

Владимир Романовский
Шустрый

очень русская повесть

Владимир Дмитриевич Романовский

Шустрый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11008879

ISBN 978-5-4474-1274-6

Аннотация

Эта повесть о любви, игорных домах, войне и погоне создана в соответствии с совершенно новыми, изобретенными самим автором именно для этой повести законами литературного рассказа.

Содержание

1. По санному следу	5
2. И отписывали мелом	12
3. Красивый столяр	22
4. Художества	27
5. Женщины	30
6. Свинина по-самсотосски	37
7. О браке	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Шустрый очень русская повесть Владимир Дмитриевич Романовский

© Владимир Дмитриевич Романовский, 2015

© Тициан Вечеллио, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

*Все слова в повести понятны из контекста. Но ежели
возникнет заминка, автор просит читателя обратиться
к Справке на последней странице, там все объяснено.*

Copyright © by Author

1. По санному следу

Велика земля, амичи, внушительна и мёрзла, колючими стволами утыкана, звездами холодными и луной равнодушной тускло освещена, а ветер, амичи – просто сил никаких нет, будто одного мороза мало, нужен еще и ветер обжигающий, не подчиняющийся логике, вольный в выборе средств, как палач во время пытки – невозможно предугадать, откуда подует, где проберет.

И бродят вокруг звери злые, зимние, изголодавшиеся. Костра опасаются звери, но костер опасен также и невольному путнику: тем, что, согревшись и переполнившись оптимизмом, может путник задремать возле него, сомкнуть усталые очи свои, привалиться набок, подумать – ну, всего несколько минут полежу вот так, с закрытыми глазами, уж больно хорошо – только этого и ждут звери, как чувствуют, подлые. Со зверями договориться еще труднее, чем с людьми, то есть вообще нельзя, не слушают.

А бывает так, что костер почти догорел, а новые сучья таскать сил нет, просто нет никаких сил, а рассвет все не наступает, и кругом глаза горящие, жадные: блядский бордель, не поймешь, то ли они действительно там, то ли мерещатся тебе, и ни огнестрела, ни ножа, ни даже дубины с тобою нет. Как глупо, амичи, пройти полмира, участвовать в исторических событиях, решать дальнейшую судьбу этой, не побоим-

ся слова, цивилизации – и вот так вот, одному, беспомощному, стонущему, продрогшему до сверлящей боли в суставах, до звона в ушах и в мозгу, быть разодранным тупыми тварями, не осознающими всего, не побоимся слова, величия произошедшего и продолжающего происходить.

Но чудеса, бывает, случаются не спросясь и не предупредив. Не загрызли Шустрого бескомпромиссные волки, не задрал очнувшийся вдруг от спячки раздражительный медведь, не навалились на теплое еще тело никогда не водившиеся в этих краях гиены, жив Шустрый, жив!

Тусклому рассвету Шустрый не обрадовался, просто отметил про себя, без эмоций, что вроде бы светлеет, этуали в небе одна за одной исчезают, сереет пространство вокруг, виден объем стволов и веток. Эмоции были целиком заняты холодом обволакивающим, болью омерзительной в ребрах, в бедре, в боку и в плече, желанием жить, и усталостью. Боль в ногах почти не чувствовалась – поморожены небось. Сапоги – нет, сапогами назвать нельзя, что-то невиданное, абсурдное, почти совсем бесполезное. Сук в руке, обернутой тряпкой, все тяжелее, но бросить нельзя. Упадешь, не встанешь, уснешь, сдохнешь, а жить надо.

Бор кончился, открылось огромное серое в бледно-рассветном освещении пространство. На пространстве этом Шустрый заметил что-то похожее на санный след и пошел к нему, не отводя глаз, опасаясь, что если отведет, то след исчезнет, сделает вид, что померещился.

Две параллельных линии – значит, где-то есть люди, будем надеяться, что совсем близко. Создатель симметрию недолюбливает, прямые линии не в его стиле, тем более параллельные. Как бы говорит Создатель человеку – ежели заприметишь где что-то похожее на симметрию, значит, свои рядом, туда и иди, горемыка, и в будущем постарайся один не оставаться, человеку нужно общение, без общения пропадешь.

Постанывая в голос, Шустрый добрался, несколько раз падая в снег и поднимаясь тяжело, до санного следа.

Стало ещё светлее, и обнаружилась равнина с лесом вдалеке слева, а чуть дальше по ходу – пологий спуск. Замерзшая река. Санний след некоторое время шел вдоль реки, а потом свернул вниз, и продолжился по заледеневшей и покрытой снегом поверхности. Шустрый остановился, выпростал свободную руку, и поправил ею тряпки, закрывавшие голову и шею. Обнажившееся запястье обожгло безжалостным морозом.

Вскоре, спустя всего две или три вечности, санний след перешел к противоположному берегу реки, и начался подъем.

Дался он Шустрому с огромным трудом. Но дальше, за подъемом, показались вдалеке хибарки, и над некоторыми из них поднимался дым – в хибарках топились печи, возможно в них завтракали неспешно по причине зимы – зимой работы почти нет в этой местности – люди. Шустрый поко-

вылял к хибаркам по санному следу.

Через некоторое время ему навстречу рысью направилась лошадь, тянущая за собой сани с ездоком, укутанным до глаз в добротное и теплое, по крайней мере по сравнению с тем, что было на Шустром. Ездок крикнул что-то на местном наречии, которое Шустрый не понимал, но в крике звучало недовольство, и Шустрый благоразумно решил, что надо убраться с дороги. Он сошел с санного следа в сторону, и тут же потерял равновесие и упал на снег. Сани проехали мимо, и ездок что-то такое сказал, злое, на прощание. Шустрый поднялся, припал на колено, снова поднялся, и вернулся на твердую поверхность.

Еще через несколько вечностей он прибыл к хибаркам. Одна из них стояла отдельно, на отшибе. Возможно, хозяин ее был индивидуалист и не любил тесное соседство. Может, он был астроном, предпочитающий рассматривать и корректировать карту звездного неба в полнейшей тишине, или композитор, не любивший, когда мелодии, возникающие в его музыкальной голове, перебиваются суетными разговорами, дурацкими выкриками и жалобами. Шустрый добрался до крыльца, встал, мыча, на кривую ступеньку, и постучал верхним концом сука, на который опирался, в дверь, чуть при этом не завалившись на спину.

За дверью раздались шаги. Грохнул засов, дверь приоткрылась, на пороге возник белобрысый мове-гарсон лет пятнадцати в длинной и очень грязной холщовой рубахе.

Из приоткрытой двери повеяло на Шустрого спасительным теплом и запахло горячей едой. Но Шустрый заставил себя не завораживаться едой и теплом. Нужно было что-то говорить – это было главное. Люди, нуждающиеся в помощи, должны говорить – иначе им не помогут, сделают вид, что не понимают, что нужно путнику помороженному, обернутому в тряпье непонятного цвета, еле стоящему на ногах. Может, он натуралист, и его интересуют названия местной флоры, или же, к примеру, он меломан и хочет осведомиться, где здесь ближайший оперный театр, а они не знают ни того, ни другого, извини, парень, не можем тебе помочь.

Он собрался с мыслями. Что сказать мове-гарсону, о чем попросить? Ну, понятное дело – тепла, еды – но как обратиться, как назвать собеседника?

«Сударь» – слишком официально, «господин мой» – глупо. Тем более, что наречия, на котором Шустрый изъясняется, здесь не понимают, а он не понимает их наречия. Ужасно неудобно это. Нужно сказать что-то очень простое, и в то же время вежливое, и переполненное дружелюбием, показывающее, что вот он, Шустрый – абсолютно безопасен, жалок, слаб, и от милости открывшего дверь зависит целиком – так вот не будет ли открывший так добр, не окажет ли благоволение самое малое? «Приятель» – нет, слишком фамильярно.

Шустрый вытащил из-под тряпок свободную руку, протянул вперед в вежливом, слегка заискивающем, жесте, и сказал:

– Дорогой друг...

Малый отвернулся. Шустрый стал ему неинтересен. За малым возникла мрачная фемина средних лет, с ненавистью посмотрела на Шустрого, и что-то бросила по его адресу, какие-то злые слова, судя по тону – что-то вроде «Убейся отсюда, говно».

Это было, наверное, справедливо. Справедливость – она такая, встречается там, где ее меньше всего ждешь, и где от нее меньше всего толку. Наверное у женщины этой погиб в баталии муж, и в Шустром она видела врага, принимавшего участие в отнятии у нее мужа. Шустрый продолжал стоять перед ними, матерью и сыном, пытаюсь улыбаться – получалось плохо, щеки не двигались, губы не растягивались, одеревенели.

Тут вдруг за спиною фемины возник здоровяк набыченный, средних лет. Отодвинув фемину, он сделал жест рукой и сказал несколько слов злым тоном. Смысл был понятен – «А ну, пошел отсюда». Или что-то вроде этого.

Дверь захлопнули и заперли.

Шустрый немного постоял, собираясь с силами, а затем осторожно спустился с крыльца, качнулся, восстановил равновесие, и направился к группе хибарок, скучившихся в ста шагах от той, куда его не пустили. Мимо проехали еще одни сани с закутанным седоком. Куда это они все едут, подумал Шустрый. И решил, что они едут браконьерствовать. Что ж, занятие почтенное в некоторых весях. Сам Шустрый никогда

не браконьерствовал, но с браконьерами многими был знаком и их не осуждал. Воры – иное дело. Воровать у простых людей – зазорно, у них и так всего мало. А дичь пострелять или дерево-другое срубить для домашних нужд – не обеднеет владелец! Скорее всего просто не заметит. Да и вообще – почему большинство владельцев земель и лесов таковыми рождаются, и забот не знают, не жнут, не сеют, а остальные перебиваются кто чем?

На полпути к группе хибарок Шустрый почувствовал, что у него вдруг неожиданно прибавилось сил. И даже эмоции, помимо самых насущных, возникли. Вот и день хороший, подумал он, солнечный, и дымок из трубы самой близкой хибарки с соломенной крышей очень пригласительно выпростывается, уютно, и вообще на свете хорошо жить, когда что-то умеешь, и люди кругом, и ты среди людей, и тепло, и сытно. Он даже замычал было песенку, но подул вдруг опять ветер, и пробрал, и обжег. Он приблизился к двери хибарки и стукнул в нее верхним концом сука дважды. И стал ждать. Потом стукнул еще раз. Дверь открылась. За дверью стояла молодая женщина, некрасивая, с ногами враскаряку, в длинной грязной холщовой рубахе, с нечесаными распущенными волосами, заспанная. Шустрый выпростал свободную руку из-под тряпок, протянул вежливо вперед, и потерял сознание.

2. И отписывали мелом

Игорный дом с красивым фасадом помещался на углу дурно мощеной улицы и состоял из трех этажей. На втором, игровом, пахло пылью, подсохшим потом, и едким трубочным дымом. Вокруг пяти столов толпились офицеры в мундирах, невоенные дворяне во фраках, и сыновья самых богатых купцов, тоже во фраках, чьим отцам недавно, за помощь в снабжении обозов, обещали титулы и прочие блага.

Сынок отсчитывал в уме штоссы, выжидая, когда валет ляжет по левую руку Банкомета во второй раз. Валет лег, и Сынок придвинулся ближе, ожидая теперь окончания штосса. Когда штосс закончился, Сынок подошел вплотную к столу и, разыгрывая смущение, сказал:

– Позвольте, господа...

Все повернулись к нему, и пришлось сделать вид, что он смущен еще более. Игроки рассматривали его будто в первый раз – молодого офицера с каштановыми волосами и мягкими усиками, стройного, среднего роста, с лицом простодушным. Заулыбались.

– А сколько? – спросил толстый Банкомет, поправляя роскошные ухоженные тыловые усы и подняв глаза на Сынка.

– Пятьдесят тысяч.

Сделалось замешательство.

– Простите, сударь, – сказал банкомет. – Вы не оговари-

лись?

– Я не оговорился.

Вокруг притихли.

– Это чрезвычайный случай, – вежливо сказал Банкомет. – Боюсь у меня нет с собою столько.

– Одолжитесь у друзей, – посоветовал простодушный Сынок.

Некоторое время Банкомет смотрел в глаза Сынку, что-то прикидывая. Сынок слегка улыбнулся.

– Хорошо, – сказал Банкомет. – Господа, будьте любезны.

Несколько дворян и офицеров, а также один сын богатого купца, заинтересованные развитием событий, стали вытаскивать бумажники. Искомая сумма набралась быстро. В виду чрезвычайности случая принесены были две запечатанные колоды. Сынок вскрыл свою, Банкомет свою. Банкомет стасовал колоду и предложил Сынку снять, Тот снял, после чего сразу выхватил из своей колоды валета червей, и положил на стол, лицевой стороной вниз. Затем неспеша вынул бумажник, и поверх карты поместил пачку ассигнаций.

– Сколько здесь? – спросил Банкомет, хмурясь. Пачка показалась ему недостаточно увесистой.

– Пять тысяч. А вот остальные сорок пять.

Поверх ассигнаций лег вексель. Банкомет потянулся было за векселем, но тут же убрал руку – неприлично.

– Как ваша фамилия, сударь? – спросил он.

Сынок назвал фамилию. Вокруг обменялись взглядами.

– Сын того самого генерала? – спросил Банкомет, впечатленный фамилией.

– Племянник.

Банкомет кивнул.

Фамилия известная. Тянуть дальше было неприлично. Он взял в руку колоду и начал метать. Лицо Сынка не выражало ровно ничего, кроме ранее всеми отмеченного простодушия. Зрители с возрастающим интересом следили за игрой.

Налево, в нечет, и направо, в чет, падали пятерки, семерки, короли, и все это не имело значения. Но наконец из колоды выскочил валет – в нечет. Сынок был к этому готов, ничего другого он и не ожидал. Банкомет, стараясь не улыбаться, переместил к себе деньги и вексель. Тут же на стол лег следующий вексель – на сто тысяч.

– Угодно? – спросил Сынок, и позволил себе улыбнуться.

Банкомет чуть помедлил, а на лицах дворян и офицеров выразилось восхищение. Сынок продолжал стоять в непринужденной позе, положив руку на эфес кавалерийской сабли.

«Он сумасшедший», подумал Банкомет. И сказал спокойно:

– Разумеется, сударь.

В этот раз валет Сынка не заставил себя ждать – лег в нечет пятой картой из новой колоды.

Выражение лица Сынка не изменилось – все то же простодушие.

– Когда вам будет угодно рассчитаться? – спросил Банкомет.

– Завтра утром, – спокойно ответил Сынок. – Если вас не затруднит...

– Нисколько, – заверил его Банкомет, протягивая визитку.

– Одна лишь заминка есть, заранее прошу прощения, – уточнил Сынок. – Дело в том, что с тех пор, как я вернулся с позиций, я много сплю и поздно встаю. На позициях не поспишь. Теперь вот роскошествую. Иногда даже до одиннадцати часов сплю. Поэтому «завтра утром» в данном случае означает – ближе к полудню. Вы не против?

– Зачем же, – почти возмутился Банкомет. – Чтобы я мешал сну защитника отечества? Спите сколько вам угодно, сударь. Хоть до вечера. Если вы зайдете, а меня не будет дома, передайте деньги моему дворецкому, я ему доверяю.

– Благодарю вас, – ответил Сынок. – Честь имею.

Он коротко по-военному поклонился и вышел из зала, сопровождаемый восхищенными взглядами.

Так не бывает, подумал он. Чтобы одна и та же карта проигрывала четыре раза подряд – такого не может быть, это противоречит логике. Он еще раз позволил себе так подумать, после чего, выйдя на улицу, успокоился и собрался с мыслями.

Денег в столице у него не было больше никаких, кроме нескольких ассигнаций в кармане на мелкие расходы. Вне столицы тоже не было. У дяди-генерала были прямые на-

следники, коим с племянником делиться было не с руки. Было имение, принадлежавшее ранее погибшему на войне отцу, а теперь матери Сынка, и ему, Сынку, тоже. Имение следовало заложить или продать.

Но до имения нужно сперва доехать.

Можно имение сбыть, никуда не уезжая – какому-нибудь столичному, но и это заняло бы время, следовало бы списаться с матерью и ее управляющим.

Также, можно было, наверное, застрелиться, но очень не хотелось.

Не отдать карточный долг – дело немыслимое.

Следовало идти – к знакомому Иудею, либо к Азиату. Сынок выбрал Иудея.

Час стоял поздний, и ему пришлось долго стучаться, прежде чем экономка открыла дверь. Сам ростовщик жил на втором этаже. Пришлось подождать в лавке. Иудей, пожилой полный мужчина с нависающими кустистыми бровями, спустился вниз в скором времени, одетый небрежно, заspanный, недовольный. И сказал сухо:

– Здравствуйте.

– Здравствуй, наиподлейший.

Иудей усмехнулся. Наиподлейшим его как-то назвал заезжий поэт-южанин, и все картежники столицы, с которыми ему приходилось иметь дело, об этом каким-то образом прознали и всякий раз пользовались случаем подразнить ростовщика – что по каким-то особым, личным причинам, до-

ставляло ему удовольствие.

– Чем могу служить?

– Нужны деньги.

– Сколько?

– Сто пятьдесят тысяч.

Наиподлейший решил, что ослышался.

Обращались к нему часто, долги и проценты платили почти всегда, потеря нескольких сотен время от времени его не смущала. Опытный, он определял платежеспособность любого клиента, обменявшись с ним несколькими словами, и ошибался очень редко. При этом был он человек благосклонный, и даже добрый, и известны были случаи, когда он просто отказывал просителю, дабы предупредить будущие неприятности – именно ради блага самого же просителя. Также он однажды, оставив просителя в лавке, отправился к кредитору сам, и заплатил долг целиком, а вернувшись, прочел просителю длинную лекцию о том, что ежели у человека вся жизнь впереди, а кругом много возможностей, то и не следует эти возможности хоронить, поддавшись сиюминутной страсти. Словом, был он убежден, что честность, доброта, и даже известная степень щедрости, в коммерции могут быть выгодны, если быть достаточно твердым.

Но – сто пятьдесят тысяч?! Одна пятая этой суммы считалась во время оно вполне приличным состоянием. Удачно вложив такую сумму в недвижимость, в лес, или в прииски, можно было рассчитывать на безбедную жизнь.

– Простите ... сколько?

Сынок повторил.

– Когда?

– Сейчас.

Иудей что-то прикинул в уме, помялся, вытер толстым запястьем лысый лоб, и сказал:

– У меня столько не найдется. Если вы готовы подождать неделю или две...

– Не могу, – возразил Сынок. – А у кого есть?

Иудей с сомнением смотрел куда-то мимо Сынка.

– У кого ... у кого. Интересные вы вопросы делаете, сударь.

– У Азиата?

– Нет, что вы, у него и трети такой суммы зараз не наберется. Почему бы вам не подождать?

– Ну я ведь сказал уже, что не могу.

– Ну, хорошо, только из уважения к вам, сударь ... Есть у азиата знакомый, темная личность. У него, возможно, вы получите искомую сумму. Но имейте в виду, он человек опасный. И проценты возьмет очень большие.

– Мне все равно.

– Живет он...

Получив адрес опасной личности, Сынок тут же туда отправился. Личность оказалась действительно неприятная, жила на отшибе, вид имела свирепый, показывала в лицемерной улыбке гнилые зубы, а происхождения была совер-

шенно неизвестного. Написав вексель, Сынок спрятал ассигнации в портмоне и собрался было уже идти, но личность его остановила.

– Не спеши, бегун, – сказала личность. – Вижу, что находишься ты в затруднении. Я мог бы тебе помочь.

– Пожалуйста, обращайтесь ко мне на вы, – попросил Сынок.

– Горячий ты парень, – заметила личность.

– Настоятельно прошу.

– А если нет, то что же ты сделаешь?

– Отбивную сделаю, – ответил Сынок. – Из вас, почтенный. Пожалуйста, не испытывайте мое терпение.

– Я вас проверял! – заявила личность. – Вижу, что вы человек решительный и смелый. Именно поэтому я и хотел бы вам помочь.

– Спасибо, я не нуждаюсь в помощи.

– Как знать! Я предлагаю вам коммерческую сделку. В этом нет ничего зазорного, ровно ничего такого, что могло бы оскорбить ваше достоинство. Вы сможете расплатиться со мною в течении нескольких месяцев, и даже получить немалую прибыль сверх этого. Позвольте продолжить?

Сынку было жалко имения. Да и с мутер придется объясняться, а она такая прямолинейная, такая в высшей степени наивная дама!

– Продолжайте.

– Вы из хорошей семьи, и в данный момент у вас с матуш-

кой вашей есть имение, заложив или продав которое, вы планируете расплатиться по векселю. Я правильно вас понял?

Сынок хотел было возразить, что это нее ее, темной личности, свинячье дело, как именно он будет платить по векселю, но решил послушать, что еще скажет личность.

– Закладывать ничего не надо. Имение свое вы и сохраните, и преумножите. Нужно всего лишь ... всего лишь...

От темной личности Сынок вышел в задумчивости необыкновенной.

На позициях было проще.

Возмущенные поведением потерпевшего сокрушительное поражение и позором покрытого тирана, страны составились в коалицию, назначили коалиции номер, и начали кампанию по свержению. Пехотинцы и конники при поддержке артиллерии теснили безоговорочно раздробленные, деморализованные, плохо обученные, наспех набранные резервные силы тирана, продвигаясь вглубь его тиранических владений, осаждая и захватывая город за городом. Приготовились дать решительный бой подле городка с некрасивым названием, составили план, утром пошли в атаку. Неожиданно для всех тиран нанес контрудар, повергший всех в шок, и сам перешел в наступление. Пронумерованная коалиция бросилась врассыпную, несколько дней отступала, но вскоре снова собралась с силами – и так далее. У Сынка погибли отец и дядя, самого его ранило. Провалившись в госпитале месяц, Сынок заскучал, военные действия не представляли

более для него никакого интереса, и командование по просьбе одного из высокопоставленных знакомых отправило его в заслуженную отставку с двумя орденами. Всё понятно, никаких недоговорок нет.

А здесь, в мирной столице, все было туманно, неопределенно, и никакие последствия никаких действий нельзя было предсказать точно – все время оставались какие-то неувязки, требующие внимания, и полная неизвестность впереди. Проиграл имение – казалось бы, мешок за плечо, посох в руку, и иди себе по миру, и распорядок дня планируй соответственно. Но нет, имение можно спасти. Хорошо! Спасти? Спасём, раз есть такая возможность. Да, возможность есть, но нужно совершить несколько поступков, кои дворянину не к лицу, что бы не болтала по этому поводу темная личность. И нужно будет поступки эти в будущем скрывать. Это раз. А два – будет ли от поступков этих неблагоприятных толк – еще неизвестно. Вот и решай, что делать – посох или поступки? Поступки или посох?

3. Красивый столяр

Прибежал Пацан с корзинкой – принес Шустрому поесть. Шустрый очень нравился Пацану, возможно даже больше, чем Полянке, его, Пацана, матери. Когда в начале своего пребывания в поселении Шустрый стал понемногу приходить в себя, Пацан тут же взял себе в привычку возле него виться, и Шустрый был ему благодарен за это, а Пацан – Шустрому. До этого никто не уделял Пацану столько внимания, все были заняты – работой или разговором – а Шустрый, болеющий и слабый, ничем занят не был. Научил Пацана играть в кости, которые сам вырезал из деревянного бруска кухонным ножом. Все время с ним говорил на своем наречии, и Пацан, жадный до внимания, глотал слова, запоминал, старался говорить на наречии сам, и неплохо в этом преуспел. Он также пытался научить Шустрого наречию местных. Что-то Шустрый усваивал, но медленно и плохо.

В корзинке помещалось обычное – гречка, засоленная овощная дрянь, краюха хлеба. Раз в неделю бывала говядина, реже курятина. Как все южане, Шустрый испытывал страсть к вину, но как раз вина в хозяйстве не находилось. Вино было в барском доме, и Пацан сообщил Шустрому, что мог бы ради него украсть несколько бутылок из погреба, но Шустрый возмутился и объяснил, что красть нехорошо. А брага, которую иногда здесь пили, была отвратительна

на вкус, да и голова от нее болела страшно после потребления.

Местные относились к подопечному Полянки (такое прозвище было у матери Пацана) насмешливо, но с пониманием. Мужа Полянки, отца Пацана, человека тяжелого нрава, имевшего привычку колотить жену и сына каждый второй день без особых причин, проезжие офицеры забрали с собой на позиции, да так и не вернули. И вот объявился Шустрый, и она его выходила да и приголубила – кто осудит безутешную вдову? Осуждали, конечно, но без особой злобы, слегка.

А когда оклемавшийся басурман представлен был Старосте и приглашен в дом на отшибе, тот самый, что повстречался ему первым по приходу в селение, то и вовсе осуждать перестали: с помощью жестов Шустрый объяснил Старосте, что следует дому и крышу чинить, а не соломой латать, и стены утеплять, и новую дверь ставить, и совершенно необязательно ждать лета, и все это он, Шустрый, умеет делать, и сделает. Старосте стало любопытно, и вскоре по селению пошел слух, что Шустрый – замечательный плотник, вернее даже не плотник, а самый настоящий столяр. Сбегались смотреть, как он работает. Обсуждали, дивились. Местный плотник был тоже хорош, но он до сих пор не вернулся с позиций, и никто не знал, вернется ли. Писем плотник не писал – грамоты не знал, и нужды особой, скорее всего, в барской этой забаве не находил.

В дом, где жила Полянка, давно уж, сразу по отбытию му-

жа на позиции, подселилась ее, Полянкина, кузина с хромым мужем и шумными вороватыми детьми, и Шустрый переезжать к ним не пожелал, остался в гранеро, в котором Полянка его выхаживала. Гранеро он починил, обустроил, надстроил и расширил, и по его просьбе в обмен на столярные работы печник сложил ему печь с дымоходом и красивой трубой. Хотел сложить без трубы, ради экономии дров, но Шустрый настоял, чтобы была труба, потому что топить по-черному – глупо, амичи, так и задохнуться недолго. «Как у всех»? Мало ли что. Нет уж, без трубы не согласен.

Иногда бывшие раны давали о себе знать, и Шустрый заваливался в своем перестроенном гранеро безвыходно на день-два – поспать, отдохнуть, набраться сил.

Вечерами приходила к нему Полянка, некрасивая толстая молодая женщина, мать Пацана, впустившая его, погибающего, погреться и поесть. В первую же ночь сняла она у него с шеи медальон с вражеским гербом и куда-то спрятала. Несколько дней спустя он потребовал медальон вернуть, и она послушно вернула.

Во всякой женщине есть что-то хорошее, это точно. Шустрый лежал на спине, а Полянка копошилась над ним, по-хозяйски усаживаясь, надеваясь на детородный орган, и некоторое время спустя с лица ее уходило хмурое выражение, лицо расслаблялось и начинало сиять, и становилось почти прекрасным – Шустрому нравилось, и он с увлечением ласкал крупные груди Полянки с крупными же ареолами, тро-

гал напряженные соски, гладил и мял ей обнаженную жопу, обхватывал за талию, и вскоре Полянка забеременела.

Нотиция об этом дошла до самой Барыни. Полянку выпороли, потом еще раз выпороли, чтобы не огрызалась, и посадили на один день в армарию.

Крестить басурмана в правильную веру да и женить его на Полянке – дело вроде бы нехитрое, но сперва воспротивился Поп, враждебно к пришельцу настроенный, а потом Барыня вспомнила, что брак вольного басурмана с крепостной Полянкой не к ее выгоде. Женить-то их нужно, но не сразу, и подумавши, и соблюдая предосторожности.

Зима кончилась, начались работы и заботы, басурман проявлял себя с хорошей стороны, и столярничал в барском доме – Барыня кивала одобрительно, глядя на результаты работы – обновленные карнизы, стол для кухни, затем и для столовой, порожки, шкафчики – все умел Шустрый! С Барыней басурман объяснялся жестами и теми несколькими словами местного наречия, которые запомнил. Симпатичный парень, по-своему почтительный. Дело выгодное – вольный плотник работает задарма. Крышу и еду получает, об оплате не спрашивает.

Но долго это продолжаться не могло, так не бывает. Всем хочется основательности, определенности какой-нибудь. Так думал Шустрый, и также думала Барыня, стоя перед зеркалом в неглиже и обрызгивая женственные свои запястья парфюмом, доставленным ей с оказией из поверженной,

но все еще не побежденной, империи, тирану и захватчику подвластной. Всякий раз во времена перемирий и обходных маневров, когда армия тирана посылала переговорщика в стан пронумерованной коалиции, в портмоне у него лежало несколько любовно упакованных пузырьков, которые затем передавались через старших офицеров курьерам, отвозившим пузырьки в соответствующие страны коалиции. Самый дорогой способ доставки, поскольку самый быстрый. Иные способы включали обход военных действий по дуге и занимали гораздо больше времени.

4. Художества

Как раз в это время в усадьбу заглянули выехавшие «в народ» представители столичной артистической богемы – Художник и Поэт. Такое в столице сделалось поветрие – выезды на природу для более близкого знакомства с народом, который так удачно ассистировал государю в общем деле выгона зарвавшегося разгромленного тирана с исконных территорий. Оба визитера вдохновлялись деревенским пейзажем и видом народа обоих полов. Художник рисовал красками на холсте понравившихся ему представителей сельской жизни, а Поэт все это описывал в торжественных стихах.

Барыня приезду богемы очень обрадовалась, поставила всю прислугу на уши, кормили деятелей искусства до отвала, стелили мягко. По вечерам Художник играл на стареньком клавикорде в гостиной, а Поэт танцевал с Барыней менуэты и польки. Если верить злой на язык прислуге, Барыня несколько раз охотно, со сладострастными стонами переспала с Поэтом, а Художник перелопатил огромное количество крестьянок – в бане, под кустом, на сеновале, в гранеро, в барском доме, на поляне в лесу.

Помимо крестьянок, ему понравилась также горничная Барыни по прозвищу Мышка. Художник заявил, что у нее лицо – точь-в-точь как у Святой Елизаветы, и сделал с нее в этой связи несколько эскизов, и пообещал один оставить

ей (и не оставил). Во время сеансов научил он Мышку некоторым басурманским словам, похожим на те, что употреблял в объяснениях с местным человеком Шустрый.

Как-то утром слегка похмельный Художник заглянул во двор к Шустрому и некоторое время, морщась, смотрел, как тот строгает, а потом заявил, что в нем, Шустром, что-то есть от древнеримского воина, и что это необходимо запечатлеть. Шустрый знаком показал, что не понимает. Тогда художник выразил тоже самое на наречии Шустрого. Тот не удивился – наречие его имело популярность во многих странах – пожал плечами и сказал, что шутка глупая. Художник возразил, сказал, что вовсе не шутит. Шустрый еще раз пожал плечами. Художник раззадорился, убежал, и вскоре вернулся, волоча мольберт, холст и краски. Скипидар он забыл, и пришлось одалживать у Шустрого.

Все остальные четыре дня он торчал у Шустрого, малюя портрет – в блестящих на солнце латах, с мечом (несколько раз он попросил Шустрого попозировать всерьез, и, стоя в гордой позе, Шустрый вместо меча держал в руке пилу. Сходились смотреть, но художник работал медленно, и проходил час-другой, а на холсте ничего нового вроде бы не появлялось, и все уходили разочарованные. Зато на следующее утро на том же холсте обнаруживалось много новых деталей, и все опять удивлялись и смотрели. Пару раз зашла и сама Барыня, тактично молчала, с восхищением следила за работой Художника.

Пацана Художник время от времени гонял – то за водой, то за съестным на барскую кухню. В ночь перед отъездом богема как-то особенно разгулялась и разбуянилась, так что даже Барыня побоялась принимать активное участие в веселье – Художник и Поэт плясали в обнимку на лугу, пили горячительные напитки не утруждаясь разливом их в стаканы, играли в прятки-обнималки с девками и бабами, прыгали через костры и заставляли прыгать других, стреляли из охотничьих мушкетов по бутылкам и горшкам, набили морду Старосте и подожгли его гранеро, который к счастью удалось быстро потушить, ушли в лес и там заблудились и уснули, пришли обратно утром, собрались и уехали на телеге в губернский город, оставив после себя недоумение и – в случае Барыни – ностальгическую грусть по веселым дням далекой беззаботной юности.

5. Женщины

Самой красивой бабой в селе была, безусловно, Ивушка, жена крепкого, зажиточного мужика по прозвищу Грибник. Замуж за него Ивушка вышла шестнадцати лет, ничего толком еще не соображая – Грибник посватался, родители согласились с радостью, белесую косу раздвоили. Временами лысый кряжистый Грибник колотил жену – не за провинности какие-нибудь, а впрок. Также, не любил он, когда на супругу его заглядываются посторонние, и чуть что – лез драться, особенно когда выпьет. Заглядываться перестали.

Работала Ивушка не меньше, а пожалуй что и больше других – исполнительная была, да и крепкая, несмотря на худобу – коромысла с полными ведрами таскала не сгибаясь и шаг широкий не замедляя.

Восемь лет как замужем, с тремя детьми, сохранила Ивушка свою красоту. Красота, впрочем, на любителя.

Белокурая, с широко расставленными синими глазами, с точеным носом, большим красивого рисунка ртом – это все хорошо, да. А вот тело ее очень женственным назвать было нельзя. Худая – в столице сказали бы «стройная» – чересчур – и гибкая – тоже чересчур, передвигалась она по поверхности так, будто сделана была из гибких прутьев, скрепленных хитрыми шарнирами. Некоторым нравится, но в сельской местности предпочитают округлых. Шуст-

рый некоторое время к ней приглядывался. Она это заметила, и тут в ней, на двадцать пятом году жизни, проснулась женщина. Она стала следить за собою, прихорашиваться, тщательнее расчесываться, чаще мыться. Как-то однажды пришла она к Шустрому, чтобы тот ей коромысло починил, а коромысло принести забыла. Полянка была на работах, Падан торчал, скорее всего, на речке. Шустрый стал целовать Ивушку, и постигло его разочарование.

Блондинке положено быть мягкой, гладкой, ласковой, податливой, и говорить томным грудным голосом. Данная блондинка стеснялась, чуралась, отстранялась, возражала стыдливо и пискляво, и несла такую хуйню несусветную, что Шустрый понял: в любовницы она не годится. Хлопот будет много, есть такие женщины, которые хлопоты создают из ничего на гладкой поверхности при солнечной погоде, а толку – толку почти никакого. Чего пришла, спрашивается, если теперь отталкиваешь? Кокетничать тоже нужно уметь. Связь, таким образом, закончилась не успев начаться.

А вот приземистая девка с толстыми лодыжками по прозвищу Ака-Бяка понравилась Шустрому как только к нему подошла и задела бедром – после вечерней службы, по пути к дому. Не задень она его – вполне намеренно – он бы на нее и внимания не обратил, мало ли некрасивых девок на свете. В селении ее считали шлюхой, и это было несправедливо: до Шустрого у нее было только два любовника, и при этом один из них – барин из соседней усадьбы. Об этом зна-

ли, но все равно считали шлюхой. Впрочем, осуждали ее не сильно, а так, зубоскалили, полагая, что если б не блядство, не бывать девке в объятиях мужских никогда, с такими-то лодыжками, с носом кривым, с ноздрями вечно красноватыми, будто у нее все время насморк, с голосом постоянно простуженным, и с ушами оттопыренными.

А было так:

Молодой соседский барин задержался на охоте, время позднее, холод собачий. Постучался барин в усадьбу. Барыне он сразу понравился. Барин залпом выпил стакан горячительного напитка, и отправили его в баню, дабы предупредить простуду. Тревожить прислугу барыня не захотела, а Ака-Бяка как раз болталась под ногами – замещала заболевшую, лежащую в жару, горничную Мышку, не знавшую еще в то время никаких басурманских слов. Отправили Аку-Бяку баню топить. Натопила, а сама в предбаннике уселась передохнуть. Ноженьки свои внушительные на скамью водрузила, прикорнула, задремала. Пришел молодой барин, помылся, попарился, разбудил Аку-Бяку, попросил ему спину потереть. В свете печи не очень разглядел, какая она – красотою ли блещет невиданной, или уродина, хоть в лес от нее беги. Стал ласкать и целовать, а ей понравилось, да так понравилось, что стала она от восторга кричать в голос. Барыня, перед распахнутым окном в гостевой спальне, собственноручно готовившая гостю белье и халат, крики Бякины услышала, да и рассердилась. На другой день Аку-Бяку

выпорол, конечно же, а через два дня приехал молодой барин в гости. Барыня, наедине с ним оставшись, объяснила ему, что, мол, негоже ему, дворянину, чужих крепостных девок лопатить почем зря. Осознав свою вину, попросив нижайше прощения, барин провел ночь с Барыней, и стал наезжать по два раза в неделю, на Аку-Бяку больше не смотрел, а потом, когда явился на земли государевы басурманский тиран с войском в целях подчинения бывшего союзника, то и ушел молодой барин с тираном воевать, и до сих пор воюет победоносно, славою себя и государя покрывая.

А второй мужчина в жизни Аки-Бяки был мельник, женатый, с пятью детьми. Жена мельника, баба здоровенная, на голову его самого выше, прознала и устроила мужу разнос, как полагается, с метанием утвари в голову. Дошло до Барыни, не любившей чрезмерного разврата, и вызвали участников в барский дом на суд. Позвали Попа. Поп бушевал, обзывал всех страшными библейскими терминами, и уверял, что не допустит и не будет попутствовать. Барыня намеревалась уж Аку-Бяку продать, мельника наказать, но вступилась жена мельника. Стоя посреди горницы, возвышаясь надо всеми, руки на груди скрестивши, сказала она, что вообще не понимает, почему и зачем все так разгорячились.

Ее заверили, что все к ее же выгоде, к чистоте ее семейных уз.

Она спросила, каких еще уз, чего на девку-то несчастную

накинулись?

А она у тебя мужа увести хочет!

Жена рассмеялась, а потом заверила всех, что не позволит возводить поклеп на слабых.

Ей напомнили, что Ака-Бяка спала с ее мужем – на мельнице, в бане, на сеновале.

Жена ответила, что ничего этого не знает, и знать не хочет. Что муж у нее – честный работник, оброк платит всегда в срок, с детьми ласков, ее саму никогда ласки не лишает, подарки дарит, цветы полевые собирает в букеты, платье ей новое из города недавно привез. И что ежели у нее муж красивый да видный, то вовсе не значит сие, что его во грехах подозревать следует – а подозревают только из зависти. И что безответных несчастных девок, коих не наградил Господь красотою, нельзя обижать – грех это! И что ежели некоторые высокопоставленные лица, здесь не присутствующие, возжелали вдруг свести с несчастной девкой старые счета, то вовсе сие не означает, что все должны под ревностную дуду упомянутых высокопоставленных лиц плясать, сиськами потрясая.

Оборотились к мельнику, а тот, вдохновленный жениным примером, сказал, что к мельникам с древних еще времен неприязнь – совершенно незаслуженная. Он, мельник, не колдун, не тать, не сводник, а добрый христианин. Ему замечали, что ходя по незамужним девкам, он обижает таким образом жену, причиняет ей суффранс. На что мельник воз-

разил, что с они с женою как-нибудь сами выяснят, промежду собою, кто чего причиняет и учиняет, и что дела семейные никого касаться не должны. И добавил, что Ака-Бяка, сирота несчастная, никакие семьи разрушать не собиралась и не собирается, а если принимает от него, мельника, подарки и гостинцы, то это еще не повод считать, что она блядища отпетая, а просто ей все завидуют и из зависти своей черной хотят девку несчастную уморить – так вот не бывать этому. И, ежели на то пошло, он ее, Аку-Бяку, в дом пустит как если бы она ему дочерью родной приходилась. Все посмотрели на жену мельника, а та, голову гордо подняв, сказала, что сама же это первая мельнику и предложила, и нет тут никаких поводов к зубоскальству.

По предположениям соседей, позже, дома, жена устроила мельнику очередной разнос, чтобы впредь думал, что говорит – она ему покажет пускать всяких шлюх в дом, что это еще за блажь такая, за такую блажь можно и какабусом по кумполу.

А потом появился в селении Шустрый, и как только окреп, помылся, приоделся, стал столярничать и на людях показываться, так Ака-Бяка на него глаз и положила.

И стал сеновал свидетелем утех Аки-Бяки с басурманом. Завораживающе действовало на Аку-Бяку басурманово наречие: ни слова не понимала она из того, что он ей говорит, но волшебной музыкой звучала речь его, и ей казалось, что он ей рассказывает про дальние страны, где живут весе-

лые и добрые зажиточные люди, про невиданные горы с сахарно-снежными шапками на вершинах и шумные леса, про теплые величественные реки, высокие терема с утепленными стенами и наружным выводом дыма, хороводы на цветастых лужайках, живописные узорчатые кареты, запряженные белыми скакунами цугом, бархат и атлас. И что непременно когда-нибудь он ее туда увезет и все это ей подетально покажет.

6. Свинина по-самсотосски

Где находится губернский город Шустрому объяснил Пацан, и спросил, зачем ему это нужно.

– Любопытный я, – сказал Шустрый. – Хочу посмотреть, что там к чему. Поедешь со мною?

– Мне позволено?

– Со мной позволено.

Утром привезли недельную почту, и Шустрый через Пацана объяснил Почтарю, что хочет посмотреть на город. Почтарь некоторые время разглядывал Шустрого, а затем пожал плечами и согласился. Более того, оказалось, что он даже знаком в немалой степени с наречием столяра, и может на наречии этом выражать некоторые свои мысли. Крестьяне часто снаряжали в город телеги – и продавать, и покупать ездили, но телега едва ползет, а Почтарь на легком своем шариоте с рессорами, фонариком слева и бубенчиками под дугой, ездил очень быстро, прохожие только и успевали в стороны шарахаться и ругаться с досады.

Пацана брать с собою Почтарь не хотел, но Шустрый сказал:

– Он меня сопровождает. Ничего не испортит и не сломает. Я за него отвечаю.

Почтарь странно посмотрел на Шустрого и ничего не сказал. Забрались в шариот и поехали.

До города добрались часа за два. Шустрый поблагодарил Почтаря и сказал, что в следующий раз непременно ему заплатит. Почтарь отмахнулся, забрался опять в свой шариот, кнутом щелкнул, и быстро уехал, звеня бубенцами.

Пацан пораспрашивал по настоянию Шустрого встречаемых, выбирая тех, которые были одеты почище. Не все хотели отвечать, некоторые ругались и отмахивались, бабы прятали глаза и спешили мимо, но попался наконец человек, который не стеснялся и повел себя порядочно, и вскоре выяснилось, что ремесленники живут на двух примыкающих друг к другу пыльных рю.

Последние быстро отыскались. Из открытых дверей и окон соответствующего дома доносился грохот, скрежет, и характерное фить-xxx, фить-xxx – шум, производимый молотками, рашпилями, рубанками и пилами. По соседству имелась и кузня – не такая, как у Барыни в хозяйстве, кривая-косая, только гвозди для забора ковать, а основательная. Немного постояв перед домом, где обитали и работали столяры, Шустрый решил, что здесь и без него справляются.

Пацану решительно всё было интересно, он смотрел во все глаза, и особенно ему понравился вышедший на улицу глотнуть свежего воздуха столяр – в необычной одежде, сшитой как будто из одного куска материи, в фартуке и роскошных «городских» сапогах.

Шустрый потащил Пацана дальше. Улица уперлась в относительно широкую, местами мощёную, магистраль, с ка-

менными домами, каретами, каменной церковью с высокой колокольней и золотым крестом, и красиво одетыми барами и барынями. У Пацана округлились глаза.

– Ты здесь никогда не бывал? – спросил Шустрый.

– Нет, никогда.

Они шли по магистрали, Шустрый держал Пацана за руку, чтобы тот не зазевался и не потерялся, и внимательно смотрел по сторонам. Показалось слева по ходу заведение – с вывеской, как положено, с небольшим столиком на улице для особо почетных гостей – по случаю теплой погоды. У входа стоял человек в безупречном фраке и высоком цилиндре, длинный, худой, с продолговатым лицом и темными с проседью волосами. Шустрый безошибочно определил, что это как раз и есть тот, кто ему нужен: Ресторатор. Он остановился на почтительном расстоянии и придержал Пацана.

– Спроси у него, нужны ли ему работники какие-нибудь. Починить, почистить, помыть.

Ресторатор повернулся к ним и посмотрел непонимающе.

– Ваша милость, – начал было Пацан, но хозяин его перебил, обратясь напрямую к Шустрому:

– Простите, сударь, вы не из тех самых ли весей, которые в данный момент здесь не принято упоминать в беседе?

Сказал он это на наречии Шустрого. Не очень правильно, ломано, но отчетливо, и без иронии. Шустрый кивнул.

– Не смею надеяться, – сказал Ресторатор, наклоня голову влево. – Вы умеете готовить?

Шустрый слегка удивился, поправил одолженный у Старосты «выходной» сюртук, и ответил:

– Да, умею.

– Что именно вы умеете готовить? Вы южанин?

– Да.

– Ну так что ж?

Шустрый сообразил наконец, что Ресторатор – северо-восточный сосед. В голове возникло привычное с детства «везде успеют, сидели бы, суки, дома, жевали бы свою капусту, запивали пивом...», но он уже говорил:

– Утку блауэе, с опавными мирошами. Эскалоп сансуси фру-фру, цыпленка ургольского лизю, свинину по-самсотосски, гуся...

– Благодарю, спасибо, – сказал Ресторатор. – Вы ... хмм ... не могли бы ... продемонстрировать?

– Отчего ж, – сказал Шустрый, немного подумав. – Мог бы.

– Прямо сейчас?

– Можно и сейчас.

– А парнишка пускай на улице подождет.

– Нет, уж это лишнее, парнишка пойдет со мною.

– Ну, хорошо.

Они прошли внутрь заведения. Ресторатор объяснял:

– Повар мой заболел, или застрелился, я не знаю точно, но его уж третий день как нет. Посылали к нему домой, там никого. Поварята стараются, как могут, их у меня двое, я то-

же стараюсь, но все по заготовкам, а заготовки кончились. Я растеряю клиентов. Свежие продукты только что привезли – хорошо ли будет, если они испортятся? Или мы их испортим, пробуя из них приготовить – ну, скажем, того же упомянутого вами цыпленка лизю? Шайсе! Цыплята первосортные, зелень тоже, а вот поди ж ты...

Никогда поварским искусством не занимался Шустрый профессионально, но готовить любил – по славным традициям городка и региона, в которых на свет выпростался. По большим праздникам мужчины женщин в кухню не пускали. И Шустрый считался хорошим поваром, с выдумкой.

На кухне оказалось чисто, просторно, вот только что не очень светло – окно под самым потолком, но это, амичи, не страшно, с мелочами свыкаешься. Один неумеха-поваренок сидел на стуле, подперев подбородок кулаком. Второй копошился в углу, переставляя с места на место утварь. Увидев Ресторатора, поварята вскочили и вытянулись – чувствовалась школа северо-восточных соседей, у них дисциплина всегда на первом месте.

– Вот новый повар, – сказал Ресторатор.

Поварята поклонились новому повару.

С уткой, понятное дело, любой деревенский тротель совладеет – сельдерей, оньон, соль да перец, да шапелюр не скупясь – насадил на брошетт, водрузил над огнем, и знай себе поворачивай (Шустрый показал Пацану, как нужно поворачивать, и Пацан с энтузиазмом взялся за эту работу,

да так лихо, что его пришлось останавливать и объяснять, что вертеть нужно помедленнее и равномерно – это скучно, зато потом вкусно и не выпорют розгами). А вот хороший соус из средств подручных капабелен приготовить лишь жантийом вдумчивый и изобретательный, точных пропорций не знающий принципиально, а подбирающий ингредиенты, повинуюсь лишь наитию – то того добавить, то этого.

Знаменитые крутым нравом баски, естественные исторические враги всего прибрежного люда, готовят на палубах своих дурацких прогнивших посудин соусы, подходящие ко всему – хоть к рыбе, хоть к дичи – не от недостатка воображения, а от того, что жизнь басков, что на море, что на суше, полна событиями, требующими постоянного действительного участия, нет времени посидеть, подумать, поэкспериментировать. Люди же сухопутные веками пробуют, меняют что-то, добавляют, убирают, и много времени проводят в сравнительных раздумиях. Но, конечно же, хороший соус всегда начинается с редукции, без редукции никуда, это даже безмозглые баски знают!

Шустрый выбрал из ряда отполированных до ослепительного блеска какабусов средних размеров посудину с двумя ручками и бесцеремонно водрузил ее на треножник над горящими углями. Сверкнул прекрасный (отдадим должное северо-восточным соседям, они все делают на славу), бритвенной остроты, нож, и на деревянном шнайдебретте замелькали эстрагонная полынь, головки шалота, тот же сельдерей,

томат, и неизвестно откуда взявшиеся в этих весях агаричи биспори. Все это полетело в кабабус, и залилось белым вином, и сверху прикрылось топфдекёлем. Шустрый оставил щель, чтобы было куда выходить лишней отработанной влаге.

Затем стал он приглядываться: какие еще продукты имеются в хозяйстве? И обнаружил много интересного – и поросенка, и цыплят, и куропаток. Разного вида овощей были целые горы! Просоленная треска его озадачила. Он подозвал Ресторатора.

– Это откуда? – спросил Шустрый.

– Это треска.

– Я вижу, что треска, а взялась она откуда?

– Не понимаю.

– До ближайшего океана многие недели пути. Сама не приползла, а везти ее летом, когда тепло, на такие расстояния – это как же?

– Поставщик, похоже, сам их разводит, в садке. Я так предполагаю.

Шустрый не поверил, треску оставил в покое, и вернулся к приготовлению блюд из цыплят, куропаток, и поросенка. Можно было сделать рагу из зайца, подходящие приспособления имелись в наличии, но блюдо это, если его правильно готовить, требует двух, а то и трех дней заведомых действий, за три часа не управишься.

Меж тем лишняя влага выпарилась из кабабуса, а сам ка-

кабус, снятый с огня одним из поварят, успел остыть. Отделив желток от белка в дюжине яиц и погрузив их в керамическую кёсьроль, Шустрый добавил туда смору, и еще смору, и велел одному из запыхавшихся от приглядывания за четырьмя блюдами поварят мешать, пока смесь не превратиться в эмульсию. Все это затем вылили в какабус и вернули на раскаленные угли. Получившийся вскоре после этого, готовый к употреблению соус был подан на конце спатулы Ресторатору. Тот опешил и слегка отстранился – не привык к такому обращению. Северяне чопорны, южане проще.

– Попробуйте, – сказал Шустрый.

Ресторатор осторожно взял спатулу из рук Шустрого и попробовал. Глаза его увлажнились, рот растянулся в улыбку восхищенную. Аккуратно положив спатулу на дубовый стол, заставленный плошками, он взял Шустрого за плечи, придвинул к себе, и крепко обнял. Уж это было лишнее. Северо-восточные соседи, несмотря на чопорность, сентиментальны до неприличия.

Пацан был так поражен сценой, что перестал даже вертеть утку. Шустрый, не освободясь еще от объятий, махнул свободной рукой и сказал:

– Э! Э! Не прерывай процесс, жопа.

К открытию – трем часам пополудни – были готовы и утка, и дичь. Пацану выданы были рубаха, портки, и сапоги как у поварят, только меньше размером, а Шустрый получил в подарок от Ресторатора целый гардероб – и тут же облюбо-

вал красивую вышитую рубаху, добротные панталоны, мягкие башмаки, и фартук, чтобы не запачкать пузо. Появились красиво, чуть вычурно, одетые первые посетители, последовали заказы, полилось охлажденное белое вино, и вскоре посыпались из зала восхищенные возгласы. И продолжились.

Ресторатор смекнул, что день-два, и по городу – в соответствии с малыми его размерами – разнесется слух о невиданных кушаниях в его заведении. Поварьям было велено привести еще и своих братьев, можно даже троюродных, штуки по две каждый. Ближе к закату Шустрый снял фартук и объявил, что остальное поварья управятся разогреть и подать сами; а ему, Шустрому, следует заплатить за труды. Ресторатор, соединив тевтонские свои руки за спиной, встал перед Шустрым и сказал, что хочет нанять его на постоянной основе.

– Четыре дня в неделю, – сказал Шустрый. – В остальное время поварья пусть сами стараются, благо заготовки им будут предоставлены и метода разъяснена.

– Да, конечно, дорогой друг, – сразу согласился Ресторатор, а Шустрый мрачно улыбнулся фразе печально знакомой. – Я буду вам платить ... ну, скажем, четыре денария в неделю!

Шустрый не знал почти ничего о покупательной способности местной валюты, но неожиданно Пацан пришел ему на помощь, встав рядом и сказав:

– Семь.

– Семь? – удивился Ресторатор. – Что – семь?

Пацан подтвердил:

– Семь денариев. И мне пятьдесят две унции с денежкой.

Ресторатор посмотрел на Шустрого, и Шустрый кивнул.

– Шесть, – сказал Ресторатор.

– Семь, – уперся Пацан, и Шустрый ему вторил:

– Семь. И пятьдесят две унции ему.

– С денежкой, – напомнил Пацан.

Ресторатор согласился.

– Деньги вперед, – заявил практичный Пацан.

Ресторатор и тут не возражал.

Его спросили о транспортных средствах. Оказалось, что за совсем небольшую мзду новый повар и его подопечный могут нанять гига с нестарым еще, бодрым фердом, хозяин живет в четырех кварталах. Шустрый не ожидал, что все сложится так удачно в первую же поездку в город.

Глубоким вечером восхищенный Пацан рассказывал Полянке о приключениях дня, сыпя басурманскими словами. Полянка гладила разбухшее свое плодосодержащее пузо, мало что понимала, и выглядела растерянной. Не верить она не могла – гига, запряженный фердом с недовольными глазами и подрезанным хвостом, стоял перед домом, Шустрый возился с упряжью и кормил ферда овсом из ведерка, которого ранее в хозяйстве не было.

С этого момента Полянка прониклась совершеннейшим к Шустрому благоговением. Демиург был для нее Шуст-

рый, античный герой, умеющий всё, знающий всё, говорящий на красивом наречии, сам красивый до невозможности (это было не так, но таким он ей казался). Она гордилась тем, что он с нею живет, ласкает ее по ночам, говорит нежные слова, и даже готовит ей неслыханной вкусноты блюда раз от разу. И что за жизнь у других женщин, у которых нет своего Шустрого – морока, а не жизнь, тоска и скука. Букет ромашек, бусы, браслет, платье – заботливый Шустрый, предупредительный Шустрый, Шустрый-мечта. Не спит ли Полянка? Она носит под сердцем его ребенка – как ей повезло! Несказанно! Иным вечером, украдкой, когда Шустрый спал, уткнув рыжую свою щегольскую бородку в стену, вставала Полянка, отходила в угол, и там тихо благодарила Всевышнего за то, что повстречался Шустрый ей на пути, и из всех женщин, которых мог выбрать – а выбрать он мог любую – выбрал для сожительства именно ее, Полянку!

Наверное я красивая, думала она с сомнением. Может он видит во мне такое, чего другим не разглядеть. А что? Грудь у меня очень даже ничего, хоть и отвислая. Ноги толстоваты и кривоваты, но когда я, например, лежу на спине, чуть приподняв одно колено, они кажутся привлекательными. Кожа у меня нежная. Пальцы красивые.

Пальцы у Полянки действительно были красивые, не испорченные еще работой и заботами.

Об отлучках Шустрого и Пацана в город вскоре прознал Староста, живший с женою и сыном на отшибе, отдель-

но от всех, ибо негоже старосте соседствовать с отребьем. И пришел Староста к Шустрому побеседовать о справедливости. Состояла она, справедливость, в том, что часть дохода следовало отдавать через Старосту в пользу барского сундука, ибо живет Шустрый на барской земле. Шустрый запротестовал было, но сметливый Пацан предупредил прения, предложив лично Старосте двадцать унций в неделю, если тот никому ничего не будет более говорить, а если заинтересовавшиеся поселяне вздумают болтать лишнее в присутствии вхожих к Барыне, их будут по приказу Старосты пороть нещадно. Староста почесал сперва под мышкой, потом в затылке, поморщился, да и согласился. Шустрый уловил суть дебатов, и спросил потом Пацана, из каких, собственно, фондов он, Пацан, собирается еженедельно подносить Старосте взятку, на что Пацан резонно ответил, что грех пополам, десять унций с него, Пацана, и десять же унций с Шустрого.

– Что будет, если узнает Барыня? – спросил Шустрый.

– Придется платить ей, больше. А пока она не узнала, будем платить Старосте, меньше.

Резон. Шустрый все же подумал, что не улавливает чего-то очень важного в отношениях хозяйки и ее батраков и работников.

Ну вот к примеру, он сам не батрак, не сезонный работник, в поле не ходит, а ремесленник – ему полагается плата за выполняемую столярную работу, сдельная ли, поднев-

ная ли, в конце каждой недели, чтобы поехать после посещения церкви в город и там выпить и погулять, как это принято, наверное, во всем мире. Но до сих пор еще ему ни разу не заплатили. Еда есть, крыша есть – а сколько за все это вычитают из его платы – и каких размеров плата, и когда она будет ему вручена – он не знал, а спрашивать опасался. Все-таки он не местный, со стороны пришел. Ну, может, когда сезонные работы кончатся и всех рассчитают, тогда, наверное, и ему заплатят, и можно будет опротестовать, если недодали – наверное так? Или не так? Он спрашивал об этом Пацана, но Пацан отвечал странно, не совсем понимал вопрос – в общем, не знал сам.

7. О браке

Полянка вошла в барский дом, голову повесив. Именем, данным ей при крещении, ее давно никто не называл. Полянка и Полянка, хотя ничего особенно коровьего в ней не было – уж и не помнил никто, почему именно ее так называли – видимо, что-то в детстве было такое, пошутил кто-то.

Барыня ждала ее в гостиной, сидя в кресле с кофейной чашкой в руке. Сквозь открытое окно, помимо света, в гостиную поступал волнами воздух, переполненный запахами деревенского утра, которые Барыня ненавидела, но терпела и не срывала недовольство свое на других, считая такое поведение ниже своего достоинства. Была она худая, энергичная женщина с большими глазами и темными с проседью волосами. Замуж вышла в столице, сына родила там же, но муж вдруг вбил себе в голову, что нужно пожить на родной земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.